

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-151-164>

УДК 811.161

ББК 81.2-3 + 82.3(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. **Ж. В. Марфина**
г. Луганск, ЛНР

© 2020 г. **О. В. Шкуран**
г. Луганск, ЛНР

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖЕНЕ
В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)**

Аннотация: В статье проанализированы русские и украинские поговорки, собранные и систематизированные в этнографических и лексикографических источниках разных периодов, в состав которых входит одна из основных номинаций родства — «жена». Интерес к данному компоненту поговорок определен его лингвокультурной стереотипизацией: жена воспринимается прежде всего как хранительница очага, отношение к которой менялось в силу культурных, социальных, геополитических условий формирования семьи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью репрезентации национального стереотипа и выявления нового спектра фиксируемых современных культурных образов компонента «жена» в восточнославянском языковом пространстве. Поведенческие стереотипы, мифологические представления, социальные нормы, фразеологические словосочетания, символы, правила воспроизведения речи, сами фольклорные тексты накапливают в коллективной памяти важнейший опыт этноса — от хранительницы домашнего очага до современной социально активной харизматичной личности, способной выполнять сложные идеологические задачи. Результаты исследования дали основания для вывода о том, что номинация жена хранит сакральную культурную и историческую информацию в составе поговорок русского и украинского языков, иллюстрирует национальный стереотип и выявляет новый спектр фиксируемых современных культурных образов в современном языковом пространстве.

Ключевые слова: паремология, поговорка, пословица, стереотип, компонент «жена», номинации родства, диахронический срез, лингвокультурологический анализ.

Информация об авторах:

Жанна Викторовна Марфина — кандидат филологических наук, доцент, Луганский национальный аграрный университет, Городок ЛНАУ, д. 1, 91000 г. Луганск, ЛНР. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>. E-mail: rector@lnau.su

Оксана Владимировна Шкуран — кандидат филологических наук, доцент, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2, 91011 г. Луганск, ЛНР. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0063-464X>. E-mail: info_lu@ltsu.org

Дата поступления статьи: 25.09.2019

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Представление о жене в русской и украинской культуре (на материале паремий) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 151–164. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-151-164>

Одним из источников культурно-нравственных ценностей, безусловно, является паремиологический фонд языка. Высокую культурную информативность паремий отмечали в своих работах М. Л. Ковшова, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Семенов, С. Г. Воркачев, Л. Б. Савенкова, Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия и др. Под паремиями, по мнению Л. Б. Савенковой, понимаются «вторичные языковые знаки — замкнутые устойчивые фразы (поговорки и пословицы), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями». Наиболее значимыми классификационными интерпретациями паремиологического фонда русского языка являются «морально-нравственный, утилитарно-практический, бытийный блоки ценностей» [18, с. 3–4]. Количественное преобладание паремий, в которых представлены морально-нравственные ценности, свидетельствует об их приоритетности в языковой картине мира определенного народа.

Изучение восточнославянских паремий начинается с середины XIX в. и связано с именами Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, В. И. Даля, М. Номиса, М. М. Пазяка и др. Ф. И. Буслаев рассматривает пословицы как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы; А. А. Потебня представляет пословицу как сокращенную форму басни и подчеркивает, что сжатое содержание басни в пословице представлено как намек; В. И. Даль выделяет способность применять пословицу в переносном значении и отмечает, что пословица — это коротенькая притча.

Изучение пословиц и поговорок в логическом аспекте находит место в работах Г. Л. Пермякова, который предлагал создать новую международную систему классификации паремий и положить в основу классификации пословичных типов логическую структуру всех пословиц и поговорок. Ученый выделил семь функций паремий: моделирующую, поучительную, прогностическую, магическую, негативно-коммуникативную, развлекательную и орнаментальную как украшение речи [17, с. 88–89], которые включают как контекстуальную, так и когнитивную составляющую изучаемых единиц.

Возрождение отечественной паремиологии в конце XX в., которое В. М. Мокиенко называет «паремиологическим бумом», дало возможность заняться «не только анализом концептуальной основы, но и чисто языковой природой пословиц» [12, с. 6].

Стоит остановиться на особой роли в реализации языковой природы паремий их компонентов, отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и не имеющих прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака [9, с. 84]. Нередко компоненты вызывают затруднения в понимании значения фразеологизмов, паремий, крылатых выражений, поэтому считаем целесообразным продолжить изучение историко-этимологической основы устойчивых единиц для понимания подрастающим поколением, проявляющим интерес к происхождению и метафоричной природе паремий.

В восточнославянских языках номинации, иллюстрирующие семейное родство, не только сложны, но и имеют различные вариации обращений и заимствований, напр.: *отец — муж, папа, батя, тятя, батько, боярин, супругник, сам; жена — женщина,*

мать, супруга, баба, большуха, сама, матка и под.; дети — дочь, дева, дивчина, девица, девушка, барышня; сын, детина, малец, юноша, хлопец, парень, парубок и др. Ученые неоднократно отмечали гендерную асимметрию при оценке женщины в культурологии и лингвистике, в частности во фразеологии и паремиологии [8; 16; 22; 23].

Предметом нашего исследования стали русские и украинские паремии с компонентом *жена*, называющие замужнюю женщину, продолжательницу рода, хранительницу домашнего очага и т. д.

Для исследования используем историко-этимологический, описательно-аналитический методы, лингвокультурологический анализ языковых явлений.

Цель статьи — выявить специфику использования компонента *жена* в восточнославянских паремиях; в диахроническом срезе проанализировать данный номинант родства как хранителя сакральной культурной и исторической информации, создателя национального стереотипа и выявить спектр фиксируемых культурных представлений в современном языке.

Материалом исследования стали пословицы, выбранные из этнографических и лексикографических источников («Жизнь и творчество крестьяне Харьковской губернии. Очерки по этнографии края» В. В. Иванова (1898); «Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток» М. М. Пазяка (2001) и «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2010), в котором обобщены русские пословицы, записанные В. И. Далем, А. А. Барсовым, М. И. Михельсоном, И. М. Снегиревым и др.).

Традиционно в паремиологии женщина, ее дела и поступки оцениваются мужчиной: «... маловероятно, однако, чтобы женщина давала себе негативную оценку сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо» [16, с. 198]. По словам О. В. Ломакиной, компонент «жена» называет членов общества, играющих «второстепенную роль, ее жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьей» [10, с. 89].

Лексема *жена* имеет индоевропейское происхождение, звучит одинаково во многих славянских языках (укр. *жона́, жоноха, жі́нка, блр. жанá*, ст.-слав. *жена*, болг. *женá*, сербохорв. *жѐна*, словен. *žéna*, чеш., слвц. *žena*, польск. *żona*, в.-луж., н.-луж. *žona*) и буквально означает «рождающая» [25, т. I, с. 298; 1, с. 58]. В традиционной культуре славянских народов *жена*, *женщина* в полной мере могла себя реализовывать чаще всего в браке, а состояние стародевства имело негативную коннотацию. Поэтому в толковых словарях данная лексема входит в синонимичный ряд *женщина, замужняя женщина по отношению к мужу, супруга* (образовалась от слова *супруг — упряжка*; др.-русск. *съпряжеться* 'состоит в половой связи') [24, с. 46].

Семейная обрядность связана с отражением важнейших этапов в жизни человека: рождение, замужество/женитьба, смерть. Русская пословица говорит: *Трижды человек дивен бывает: когда рождается, женится и умирает* [5, с. 447]. При рождении человек получает Божью долю, предопределяющую всю его дальнейшую судьбу. «Жених и невеста обретают новую долю во время свадебного застолья, когда происходит распределение свадебного хлеба, символизирующего совокупную долю всех состоящих в браке. Умершему отдается его доля: дом (заменой ему служит гроб), одежда, деньги, хлеб на поминальном столе и др., между домашними происходит перераспределение общей доли» [2, с. 81].

Для семейно-брачных отношений русских была характерна патернитетность (статус мужчин был выше статуса женщин). Главой семьи считался муж, и брак был

вирилокальным (от лат. *viri* — муж) — жена переходила в семью мужа, при обратной ситуации брак назывался уксорилокальным (от лат. *uksori* — жена). Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка [4; 19]. Почти все этические и эстетические ценности складывались в семье, усваивались человеком постепенно, с нарастанием их глубины и серьезности. Так, В. И. Белов подчеркивает, что «каждый взрослый здоровый человек, если он не монах, имел семью. Не иметь жены или мужа, будучи здоровым и в зрелых годах, считалось безбожным, то есть противоестественным и нелепым» [3, с. 123].

С момента замужества жена (в 30–70-х гг. XIX ст. брачный возраст начинался с 16 лет, а с введением воинской обязанности мужчин после 1874 г. повысился до 18–22 лет) обретала новую семью, новую фамилию и из состояния невесты переходила в невестки, молодницы, позже — старухи. Первые несколько лет, проживая в семье мужа, жена имела ограниченные права на ведение хозяйства, в частности, такое важное хозяйственно-ритуальное действие, как выпечка хлеба, ей первое время не доверялась. Определяла ее круг забот старшая женщина в семье (большуха) — либо свекровь, либо жены старших братьев. Для определения дальнейшего статуса в семье, по словам Н. И. Толстого, жена обязана была проявить себя как мать и воспроизвести новое поколение — бесплодность считалась дурным знаком. «“Вторичность” происхождения женщины (по библейской притче рождена из ребра Адама) служит часто аргументом, оправдывающим подчиненное положение жены в традиционном обществе» [20, с. 205]. Анализ паремий с компонентом *жена, женщина* позволяет сделать вывод о том, что их «авторами» являлись представители мужского пола, которые создали и утвердили стереотипы социальной роли женщины в обществе и отношения к ней как супруге: она не может главенствовать (*Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком*), она интеллектуально и эмоционально неполноценна (*Много на голове, мало в голове, еще меньше в сердце — сегодня называется женщина; Собака умней бабы — на хозяина не лает; Добрая жена, что без языка; Тоді жінка буде старша, як сорока побіліє; У жінки волос довгий, та ум короткий*) и др. [20, с. 207].

Но, несмотря на некоторые взгляды «недочеловечности» женщины, памятник светской письменности XVI в. «Домострой» (при составлении использовались как русские, так и западные сборники — «Измарагд», «Златоуст», «Поучение и наказание отцов духовных», чешская «Книга учения христианского», французский «Парижский хозяин» и др.), авторство которого приписывают протопопу Благовещенского монастыря в Москве, духовнику Ивана Грозного Сильвестру, имеет разделы, в которых описаны рекомендации правильного воспитания полноценной женщины-хозяйки: «Если подарит кому-то Бог жену хорошую — дороже это камня многоценного. Такой жены и при пущей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь» [6, с. 6]. Домострой обучал женщин, «как Богу и мужу угодить и дом свой по добру устроить», как блюсти честь рода и семьи, заботиться о семейном очаге, вести хозяйство. Судя по содержанию данного учительного сборника, они были настоящими домодержницами, руководившими заготовкой продуктов, приготовлением пищи, организовывавшими работу всех членов семьи и слуг (уборка, обеспечение водой и дровами, прядение, ткачество, пошив одежды и т. д.). Все члены домохозяйства, кроме хозяина, должны были помогать «государыне Дома», целиком подчиняясь ей [21].

В книге Б. Н. Казаченко «Русское родство: прошлое и настоящее» собран свод основополагающих сведений о семейном родстве. Автор уделил особое внимание во-

просам как физической, так и духовной супружеской связи, рассмотрел генеалогическое наследие отдельных родов [8, с. 105–116, 173–212]. В этническом сознании восточнославянских народов жена рассматривалась как единое целое с мужем: *Жена красна мужем, а муж — женой с детьми; Жена мужа почитай как крест на главе; Муж жену береги как трубу на бане; Жена мужу не прислуга, а подруга; Жена — как на хате труба, а муж — на церкви глава; Куди голка, туди й нитка, куди чоловік, туди й жінка; Муж та жона — то одна сатана; Чоловік і жінка то одна спілка.*

Среди русских и украинских паремий с компонентом *жена*, представленных в этнографических и лексикографических источниках, можно выделить следующие блоки характеристик-дихотомий:

1. Жена как объект красоты/безобразия и гордости/стыда мужа (*Всего милее, у кого жена белее; Своя жена — своя [и] краса; Біленька, чепурненька, як молодичка на першому році заміжжя; Дівкою — калина, жінкою — ялина.*)

Важнейшим символом женского комплекса качеств была и остается телесная красота. Стремление к ней связано не только с наложением белил и румян, но и с целым комплексом магических действий. В понятие девичьей красоты входили и внешний вид лица, рук, фигуры, и одежды как определителя социального статуса девушки на выданье. Девушка добрачного возраста (*на выданье, невестящаяся*) воспринималась как украшение общества благодаря природной свежести и расцвету сил, о чем свидетельствуют украинские пословицы *Гарна дівка, як маківка; Гарна дівчина, як у лузі калина; Гарна, наче рожка; Гарна, як квітка на весні.* Так, в современной Карелии девушек, сопровождающих подругу к венцу, называли *красатами* [14, с. 166]. Одним из внешних признаков взросления девушки были длинные волосы, а соответственно и длинная коса. Показательно, что лексема *красна (девица)* образовалась от слов *красота* ← *краски* (красную ленту девушка могла вплетать в косу при физиологической зрелости). Для замужних женщин важен был период красования (*Пока курочка несется, — и гребень красный*), который и определял способность к деторождению. У женщин старшей возрастной группы важна была духовная красота: старушки ходили на богомолье и по возвращении рассказывали о благолепии увиденных храмов [14, с. 7]. Интересными, на наш взгляд, являются цветономинации *красный, белый* как символы девичьей и женской красоты. Белый цвет связан с традиционным представлением о красоте (светлой коже): «кровь с молоком», «белолица, черноброва...»; о чистоте и святости: «Белая Ты, <...> Дева, Заря, Купина...». В известной пушкинской сказке царица приговаривает: *Свет мой, зеркальце! Скажи, Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?*

Различные языковые коннотации с фразеологической единицей *красна девица* представлены в современной прозе, например: *Ну что ж, журнал «Солдат удачи» не красна девица, чтобы ласкать взоры и слух* («Солдат удачи», 2004.10.06); *Ну что вы ломаетесь как красна девица!* (Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь, 1993–2003); *С возрастом добрый молодец отступил внутрь, а красна девица постарела* (Виктория Токарева. Мой мастер, 1964–1994); *И пошла Заря — красна девица по небесному своду синему, на убранство свое нанизывая с блеском ярким цветные камни* (Неизвестный. Песни птицы Гамаюн // Наука и религия, 1992); *Я не красна девица, из аэропорта доехал бы и сам, но дома дел много, а разговор у меня не телефонный* (Александра Маринина, Александр Горкин. Шестикрылый серафим, 1991) и др. Благодаря коммуникативной ситуации устойчивое выражение *красна девица* сохраняет модель и образец инстинктивного поведения под влиянием передающихся «пра-мыслей, пра-образов мыслей» [11, с. 5] — олицетворения молодости, нежности, красоты.

В украинских паремиях цветономинант белый имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию: *Білолиця, як мазниця; Біла, як полотно и Біла, як кришталь; Личенько біле, як у панянки.*

2. Жена как умный/глупый член семьи (*Вумна жена як бочка пиона, а як пионо в узли, то и ум у гузне; Разумная жена прибавит мужу чести, а злая — разнесет худые вести; Умная жена — благодать Божья; Умная жена как нищему сума; Чем умнее жена, тем сильнее семья; С умной женой пир пировать, с глупой век горевать; Женский разум ясен, для кривды опасен; Русская жена — она разумливая, да на доброе дело сметливая; Женская мудрость всему опора; Розумна жінка чоловіка із біди вирятує, а дурна ще втокмачить*).

В русском языке два понятия — ум и разум — дополняют друг друга. Ум — категория сознания, благое для человека свойство; «свойство человека мыслить логически». Но ум не является для русских признаком сугубо положительным, добрым, ведь недаром говорят: *На ум взбрело; С умом жить — мучиться; От ума сходят с ума; С умом подумаем, а без ума сделаем.* А вот разум в представлении русских, безусловно, положительное качество. Если ум может завести человека в беду, то разум — никогда. Недаром русские пословицы гласят: *Ум без разума — беда; Ум разумом крепок; Где ума не хватит, спроси разума* и др. Эти вековые начала народной мудрости свидетельствуют, что разум обитает не в человеческом мозге, разум — это свойство души. Чаще всего соединение ума да разума в пословицах называется разумностью, мудростью. В украинских паремиях компонент розум объединяет в себе все вышеназванные свойства: *Не краса красить, а розум; Краса лица — це половина приданого. Краса минеться, а розум пригодиться. На красуню дивитись любо, а з розумною жити добре.*

3. Чужая/своя жена как объект соблазна/пренебрежения (*Богатый семь жен иметь может, а у бедного и одной нет; Вольно дурить — чужих жен любить; Много жен, а добрых нет; На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди; Чужие жены — безголовье, большой сон — к нездоровью; Не заглядайся на чужих жінок, бо свою згубиши; Той сам себе губить, що чужую жону любить; Перша жінка від бога, друга від людей, а третя від чорта*).

Начиная с XII в. в церковных текстах различали блуд (добрачные половые отношения) и прелюбодеяние (внебрачные отношения, нарушение супружеской верности). Измена жены считалась большим грехом, чем мужа, но ответственность за поведение последнего частично тоже несла жена. В случае измены жены муж имел право с ней расторгнуть отношения. С понятием греха связаны лексемы-номинации, обозначающие согрешивших людей, а именно *девки-простоволоски* (девушки, потерявшие невинность до брака), *самокрутки* (вышедшие замуж без родительского благословения) и др. Блудное поведение считалось опасным не только для человека и его семьи, но и для устоявшегося порядка вещей — нарушалась связь человечества с Богом.

4. Больная/здоровая жена как причина упадка/благополучия семьи (*Баяная жена мужу не мила; Больна жена мужу во (на) всякую нужу; Больки (больно) — жена, земля да холон; Больная жена мужу не мила; Больная жена мужу, [что] убогая сестра брату); Больная жена мужу, [что] убогая сестра брату; Хвора жінка чоловікові, що убога сестра багатому братові*).

В традиционной культуре здоровье является ценностью высшего порядка и обязательное условие полноценной жизнедеятельности человека. Муж жену часто называл *матка, сама, хозяйка*, любовно *женка*, вульгарно *баба* и хозяйственно-уважительно *большуха*. Жена в домашнем хозяйстве выполняла важные функции, поэтому болезнь усугубляла хозяйственно-бытовую ситуацию в семье.

5. Злая/добрая жена как залог мужнего несчастья/счастья (*От жен люди постригаются; Бранит жена мужа, а бить его не нужна; Всех злее злых злая жена; Добра жена — венец мужу своему и безпечалие; а зла жена — лютая печаль, истощение дому; Добрая жена — веселье, а худая — [злое] зелье; Жена злая — домовня буря, печаль самохотная, злая ратница, грѣхомъ учительница; Злая жена сведет мужа с ума; Добра жінка — щастя, а лиха — тряся; Добра жінка мужові своему вінець, а лиха кінець; Зла жінка, пожежа і потоп — це найбільше лихо; Зла жона зведе чоловіка з ума; Із доброю жінкою запузатієш, а з лихою ізгорбатієш; Ліпше залізо у воді варити, ніж псю личину, злу жену учити; Ліпше їсти хліб із водою, чим жити з жінкою лихою).*

6. Упрямая/покладистая жена как объект раздражения/безмятежности мужа (*Ехал бы прямо, да жена упряма; Еще не то баянь, что жена не барыня; Жена без грозы — хуже козы; Жена упорна — ни мякиш, ни корка; Шафрану не перетреш, а жінки не перепреш).*

7. Благочестивая/блудливая жена/любовница как символ прочности/шаткости семьи (*Жена благодатна возносит мужем славы; Жена благонравна — венец мужу своему; Жена Богом дана, а с пасестрой (любовницей) — свой сатана; Не тот счастлив (щаслив), кто женится на прекрасной и богатой; а тот, чья жена любезна и добронравна; Не бери жену богатую, бери жену непочатую).*

Воспитание дочери в семье родителей играло большую роль в ее дальнейшей супружеской жизни. Поэтому мать, начиная с 14–15-летнего возраста дочери, больше заботилась о ее внешнем виде для удачного выбора мужа. В процессе выполнения домашних работ, по народным представлениям, не рекомендовалось соприкасаться в быту с предметами, предназначенными противоположному полу. Дочь обучалась убирать дом, стирать белье, готовить пищу, доить корову, жать на поле, присматривать за младшими братьями и сестрами, овладевала навыками прядения и даже училась чесать шерсть. Чаще ее называли *казачихой, нянькой, пестуньей, смотреей*. Как отмечают исследователи, в подростковом возрасте происходило формирование групп по половому признаку и активное осознание девушки и ее будущей роли женщины [14, с. 172].

Поэтому до девичьего возраста девочке прививали нравственные семейные ценности, обучали управлению домашним хозяйством. У девушки на выданье было больше свободного времени: родители давали возможность до вступления в брак набраться сил, погулять вдоволь и подготовиться к благочестивой супружеской жизни.

8. Худая/дорогая жена как символ шаткости/незыблемости (*Худая жена — кара Господня; Худая жена и хорошего мужа портит).*

Худая употребляется в значении 'ненадежная', на которую нельзя было положиться, оставить ведение хозяйства.

9. Говорливая/молчаливая жена как объект немилости/безмятежности (*Жена говорлива — мужу не мила; С болтливой женой горя не оберешься; Жінці скажи й на язиці зав'яжи).*

10. Послушная/непослушная жена как символ прочности/непрочности статуса мужа (*Жене спускать — добра не видать; Кто жене волю дает, так по своей жене плачет; Цить, моя мила, щоб ти воза не побила).*

11. Жена как объект битья/ласки (*Бей жену без (до) детей, а детей без (до) людей; Бей жену к обеду, а к ужину опять; Бей жену как шубу, а люби как душу; Бей жену молотом, будет золотом; Бей жену молотом, она станет золотом; Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет; Бей жену что шубу, а люби ее*

что душу; Держи жену в ласке, дочку в сохранности — ссоры не будет; Хто жінці волю дає, той сам себе б'є) и др.

Особое внимание хотелось бы обратить на битье жены, отображающее, на первый взгляд, физическое насилие над хозяйкой дома. Мифолого-языческое наследие традиций древних русских и многих славянских народов было сакрализовано и пронизано уверенностью в особой «плодоносящей» жизненной силе многих артефактов материальной культуры. Не исключением являются и орудия битья — палка, розги или ветки вербы, березы, орешника, кизила, крапива, хлебная лопата, мотовило, ожерелье и др. В «Домострое» предписано хозяину быть «грозою» для жены и детей и строго наказывать их за провинности, вплоть до «сокрушения ребер», либо «плетью постегать по вине смотря» [21].

Битье выполняло ритуальное действие во время свадебного обряда, календарных зимних, весенних и христианских праздников. Битье сопровождало свадебное действие чаще перед брачной ночью — и доставалось от удара кнутом или поясом больше невесте, чем жениху. У болгар, например, перед брачным ложе жених и невеста раздевали друг друга до рубах и жених трижды бил поясом невесту по поясице. В украинских селах около Глухова жених, прежде чем завести невесту в дом, бил ее палкой по спине. А в некоторых районах Белоруссии во время заручин сват бил в доме невесты плетью об стену. В весенние христианские праздники в день Сорока мучеников Севастийских, Вербное воскресенье, Пасху и Юрьев день у сербов, поляков, черногорцев, украинцев, белорусов, русских хлестали веточками деревьев как девушек, так и детей с пожеланиями здоровья, послушания, благополучия [20, с. 177–180]. Поэтому данное ритуальное действие мужа было направлено исключительно на невесту, жену и подрастающих детей: *Кого люблю, того и бью*.

В этнографическом памятнике восточнослобожанской жизни «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края» (1898) под редакцией В. В. Иванова, особое внимание заслуживают записи учителей из Старобельского уезда Харьковской губернии Российской империи, которые описывали семейную и общественную жизнь в разных слободах и селах, населенных и русскими, и украинцами, сохраняющими этнокультурные традиции. Отношение к женщине зависело от возрастной категории и роли в семье (свекровь, невестка), например: «Положение женщин в семье было крайне тяжелым и унижительно; женщин беспощадно били все, особенно так называемых невесток, не опасаясь никакой ответственности за это. С введением мировых учреждений женщина как добрая советчица, помощница и даже распорядительница в бытовом хозяйственном положении мужчин» (сл. Свято-Дмитриевка), «Женщины ставятся ниже мужчин. Хозяйка принимает гостя и не должна садиться; даже обедая в своей семье, она не должна садиться, а есть стоя. Совета ее не спрашивают никогда. В церкви женщины и девочки стоят в притворе» (сл. Ново-Астрахань), «Женщина в семье мать и хозяйка, иногда заменяет собой десятника и вестового» (сл. Танюшевка — слобода носила имя жены Татьяны князя Куракина, активно заселившего восточнослобожанские земли), «Положение женщины в семье полностью зависело от мужчины. Без согласия мужа она ничем не могла распорядиться: *Жінка не чоловік, а баба і бабський у неї розум* (с. Никольское) [7, с. 205]. Несмотря на трудное положение молодой невестки, замужество считалось главным назначением женщины, что отражено в пословицах, напр.: *Жіноцька річ коло прип'ічка; Дівчиною повна вулиця, а жінкою піч; Старій бабі і на печі ухаби; На мені тільки піч та ступа не була*.

Речевой характер паремий обеспечивает их функционирование в языковой системе, а использование данных устойчивых единиц в литературе делает их востребованными в современном языке как в чистом виде, так и трансформированным, например: словарь В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной иллюстрирует компонент *жена* в новом «прочтении» — *армянская жена* (сожительствующая с постоянным партнером), *вторая жена бортмеханика* (стюардесса), *жена Гитлера* (учительница немецкого языка), *жена Пентефрия* (о женщине-соблазнительнице невинных юношей), *кадровая жена* (венчанная), *лагерная жена* (любовница в лагере, та, с которой сожительствует заключенный), *поспевалова жена* (сплетница), *пристяжная жена* (любовница), *солдатская жена* (ружье), *соломенная жена* (находящаяся в разводе), *другая жена* (вторая жена в браке) [13, с. 227–228].

Современная литература компонент *жена* употребляет как в традиционном прочтении, так и с новой коннотацией: *Проще найти новую жену. Ты у него не первая жена. И даже не вторая* [Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем. // Даша. 2004] — разрушение архетипического сознания современного человека и представление жены как непостоянного члена семьи; *Его бросила жена, она — типичная злая леди-босс* [Коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)] — женщина, занимающая руководящую должность; *Моя жена и моя любовница были подругами со школьных времен* (Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать, 1980–1990) — сложившийся стереотип успешного мужчины о наличии и жены, и любовницы; *Горячая, смуглая, волевая. Жена-собственница, жена-властелин. Узнав из перехваченного письма, что муж давно уже живет с Дашей, устроила скандал до небес* (И. Грекова. Фазан, 1984) — статус женщины, способной защитить свое семейное положение; в словосочетании: *нацелившаяся на президентство жена* (Алексей Филиппов. Продавцы воздуха. Производственная тема — 2002 в Новом драматическом театре (2002) // «Известия», 2002.09.23); *жена Отелло* (Юлия Кантор. Классика жанра. В Мариинском театре — премьера «Отелло» (2001) // «Известия», 2001.06.25); *брошенная жена* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). Очень часто в СМИ компонент *жена* употребляется с родом деятельности мужа, что подчеркивает ее положение в обществе: *жена начальника, жена подполковника* [Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)]; *жена руководителя* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995–1999); *жена светила-консультанта* (Анатолий Алексин. Раздел имущества, 1979); *жена видного человека, бывшего руководителя края* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2, 1978) или же род деятельности самой жены: *жена-врач* (И. Грекова. Перелом, 1987); *жена-«казачка»* (Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха, 1987); *Моя жена была дамским парикмахером. Едва ли что-то могло нас шокировать* (Сергей Довлатов. Чемодан, 1986) и др. [15].

В советское время входит в употребление давно забытый статус гражданина Римской империи — *враг народа* (лат. *hostis publicus* — буквально ‘враг общества’ и лат. *hostis populi Romani* — ‘враг римского народа’), а соответственно и появляется выражение *жена врага народа*: *Жена врага народа как будто даже забыла о своей неукупимой вине!* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // Новый Мир. 1990) — данное выражение приобрело популярность после Февральского переворота 1917 г. и впервые употреблено министром-председателем Временного правительства А. Ф. Керенским, позже В. И. Лениным, И. В. Сталиным и др.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) иллюстрирует текстовый материал с компонентом *жена*, дополняя современными характеристиками с позитивной

коннотацией — *красивая, мужняя* (принадлежащая мужу), *величественная, добрая, добродетельная, единственная, кроткая, любящая, «мать моих детей», молодая, мягкая, нежная, оживленная, передовая, податливая, преданная, приятная, радостная, работающая, «самый близкий человек», стройная, чарующая, чудесная* и др. и с негативной коннотацией — *авторитарная, бледная, властная, возвратная, волевая, глупая, истеричная, надменная, незаконная, не заметная, неплодная, не примечательная, плохая, сварливая, сильная, старая* и др. [15]. Компонент *жена* в фольклорных источниках представлен значительным синонимическим рядом: *белушка, зазнобушка, лапушка, душенька, милушка, леля, свет очей моих, ягідко моя, лебідонько, вишенька, маківко, зіронько, квіточко, сонечко, лялечко, берізонька, ластівка, услада серця могого, душа моя, голубка моя, лебедушка моя, краса ненаглядная, голубонько, серденько моє, коханая, миленька, чорнобривенька, зірка моя промениста* и др.; в современном контексте заменяем многими дефинициями с уменьшительно-ласкающими оттенками, о чем свидетельствуют интернет-сайты — для подчеркивания внешней красоты (*куколка, золотая рыбка, розочка, очаровашка, маргаритка, вишенка*), с целью важности в жизни мужчины (*ангелочек, жемчужинка, золото, бриллиантик*), за женскую харизму (*львица, королева, принцесса, богиня*) и др.

Таким образом, номинация родства *жена* хранит сакральную культурную и историческую информацию в составе паремий русского и украинского языков, иллюстрирует национальный стереотип и выявляет новый спектр фиксируемых современных культурных образов в современном языковом пространстве. Мы называем номинацию *жена* лингвомаркером по следующим причинам: благодаря системе связей настоящего с прошлым, составляющей суть традиции, происходит определенный отбор, совершается стереотипизация наиболее важного из опыта, которое откладывается в коллективной памяти и затем опять воспроизводится. Это поведенческие стереотипы, мифологические представления, социальные нормы, фразеологические словосочетания, символы, правила воспроизведения речи, сами фольклорные тексты и т. п. Исследование ряда русских, украинских паремий с компонентом *жена* обнаруживает значительные сходства. В результате исключительно сложных отношений внутри восточнославянской терминологии для обозначения родства *жены* происходило постепенное вытеснение и замена лексических единиц современными эквивалентами по причине упрощения традиций семейных отношений, нового общественно-социального статуса женщины, терминологической системы для обозначения статуса жены в малой семье, утраты различий между функциональными обязанностями мужа, жены и др. членов семьи, снижение социального статуса самих родственных отношений за пределами семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык // Общественные науки в СССР: реферативный журнал. М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1987. Вып. 6: Языкознание, № 5. 326 с.
- 2 Байбурин А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 78–82.
- 3 Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
- 4 Бузин В. С. Этнография восточных славян // Studmed.ru. URL: https://www.studmed.ru/view/buzin-vs-etnografiya-vostochnyh-slavyan_ec34ce58fdc.html (дата обращения: 25.09.2019).

- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: репринт. воспроизвед. изд. 1903–1090 гг. В 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Рипол классик, 2006. Т. 1: А-З. 754 с. Т. 2: И-О. 785 с. Т. 3: П. 549 с. Т. 4: Р-Я. 669 с.
- 6 *Домострой* / пер. с древнерус. В. В. Колесова. М.: АСТ, 2016. 288 с.
- 7 *Иванов В. В.* Жизнь и творчество крестьяне Харьковской губернии. Очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. Харьков: Харьк. губ. стат. ком, 1898. Т. 1. 1012 с.
- 8 *Казаченко Б. Н.* Русское родство: прошлое и настоящее. М.: Наука, 2010. 304 с.
- 9 *Ломакина О. В.* Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологических комментариев // Вестник ОГУ. 2010. № 6 (14). С. 217–221.
- 10 *Ломакина О. В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018. 344 с.
- 11 *Миронова Т. Л.* Русская душа и нерусская власть. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.
- 12 *Мокиенко В. М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. СПб: Издат. дом «Мирс», 2010. С. 6–21.
- 13 *Мокиенко В. М. Никитина Т. Г.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
- 14 *Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимица Т. А. и др.* Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. 688 с.
- 15 Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.09.2019).
- 16 *Ничипорчик Е. В.* К вопросу об «авторстве» паремий (гендерный аспект) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сб. научн. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Минск: Зсицер Колас, 2010. С. 197–202.
- 17 *Пермяков Г. Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. М.: Наука, 1988. 237 с.
- 18 *Савенкова Л. Б.* Русские паремии как функционирующая система: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2002. 240 с.
- 19 Семья и семейные отношения. Брак и семья в традиционном русском обществе конца XIX – нач. XX века // Studopedia.su. URL: https://studopedia.su/18_31492_semya-i-semeynie-otnosheniya.html (дата обращения: 25.09.2019).
- 20 *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А-Г. 575 с. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д-Крошки. 697 с.
- 21 Словарь гендерных терминов // Owl.ru. URL: <http://www.owl.ru/gender/065.htm> (дата обращения: 25.09.2019).
- 22 *Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток* / упоряд. М. М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 2001. 392 с.
- 23 *Толстая С. Н.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / отв. редактор С. Н. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–23.
- 24 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. 672 с.
- 25 *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 624 с.

© 2020. Zhanna V. Marfina
Lugansk, LPR

© 2020. Oksana V. Shkuran
Lugansk, LPR

**PERCEPTION OF THE WIFE
IN RUSSIAN AND UKRAINIAN CULTURE
(BASED ON PAROEMIAE)**

Abstract: The paper examines the Russian and Ukrainian paroemiae collected and systematized in ethnographic and lexicographic sources of different periods which include one of the main nominations of kinship “wife”. Interest in this component of paroemiae is determined by its linguocultural stereotypification: the wife is perceived, first of all, as a guardian of the hearth, the attitude to whom changed due to cultural, social, geopolitical conditions of family formation. The relevance of the research stems from the need of representing the national stereotype and identification of a new range of fixed modern cultural images of the “wife” component in the East Slavic language space. Behavioral stereotypes, mythological representations, social norms, phraseological collocations, symbols, rules of speech reproduction, folklore texts themselves accumulate in the collective memory the most important experience of an ethnic group — from a homekeeper to a modern socially active charismatic personality capable of performing complex ideological tasks. Results obtained afforded grounds for concluding that the nomination “wife” stores sacral cultural and historical information as a part of paroemiae of the Russian and Ukrainian languages, is illustrative of the national stereotype and reveals a new range of the fixed modern cultural images in the modern language space.

Keywords: paroemiology, paroemiae, proverb, stereotype, “wife” component, kinship nominations, diachronic cut, linguoculturological analysis.

Information about authors:

Zhanna V. Marfina — PhD in Philology, Associate Professor, Lugansk National Agrarian University, Gorodok LNAU, 1, 91011 Lugansk, LNR. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>. E-mail: rector@lnau.su

Oksana V. Shkuran — PhD in Philology, Associate Professor, Taras Shevchenko National University of Lugansk, Oboronnyaya St., 2, 91011 Lugansk, LNR. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0063-464X>. E-mail: info_lu@ltsu.org

Received: September 25, 2019

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Marfina Z. V., Shkuran O. V. Perception of the wife in Russian and Ukrainian culture (based on paroemiae). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 151–164. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-151-164>

REFERENCES

- 1 Andreev N. D. Ranneindoevropeskii praiazyk [Early Indo-European proto-language]. In: *Obshchestvennye nauki v SSSR: referativnyi zhurnal* [Social Sciences in the

- USSR: abstract journal]. Moscow, Izdatel'stvo INION AN SSSR Publ., 1987. Vol. 6. Iazykoznanie [Linguistics]. No 5. 326 p. (In Russian)
- 2 Baiburin A. K. Obriadovoe pereraspredelenie doli u russkikh [Ritual redistribution of the Russian share]. In: *Sud'by traditsionnoi kul'tury: Sbornik statei i materialov pamiati Larisy Ivlevoi* [Destinies of traditional culture: Collection of articles and materials in memory of Larisa Ivleva]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, pp. 78–82. (In Russian)
 - 3 Belov V. I. Lad: *Ocherki o narodnoi estetike* [Lad: Essays on folk aesthetics]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1982. 293 p. (In Russian)
 - 4 Buzin V. S. Etnografiia vostochnykh slavian [Ethnography of the Eastern Slavs]. In: *Studmed.ru*. Available at: https://www.studmed.ru/view/buzin-vs-etnografiya-vostochnyh-slavyan_ec34ce58fdc.html (accessed 25 September 2019). (In Russian)
 - 5 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: reprintnoe vosproizvedenie izdaniia 1903–1090 gg. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: reprint reproduction of the 1903–1090 edition in 4 vols.], edited by Professor I. A. Boduena de Kurtene. Moscow, Ripol klassik Publ., 2006. Vol. 1: A–Z. 754 p. Vol. 2: I–O. 785 p. Vol. 3: P. 549 p. Vol. 4: R–Ia. 669 p. (In Russian)
 - 6 *Domostroi* [Domostroy], translated from old Russian by V. V. Kolesov. Moscow, AST Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
 - 7 Ivanov V. V. *Zhizn' i tvorchestvo krest'iane Khar'kovskoi gubernii. Ocherki po etnografii kraia* [Life and work of the Kharkiv province's peasants. Essays on Ethnography of the region]. Khar'kov, Khar'k. gub. stat. kom Publ., 1898. Vol. 1. 1012 p. (In Russian)
 - 8 Kazachenko B. N. *Russkoe rodstvo: proshloe i nastoiashchee* [Russian kinship: past and present]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 304 p. (In Russian)
 - 9 Lomakina O. V. *Paremiia v tekstakh L. N. Tolstogo: lingvokul'turologicheskie kommentarii* [Paremia in the texts of L. N. Tolstoy: linguo-cultural commentary]. *Vestnik OGU*, 2010, no 6 (14), pp. 217–221. (In Russian)
 - 10 Lomakina O. V. *Frazeologiya v tekste: funktsionirovanie i idiotil'* [Phraseology in the text: functioning and idiostyle], edited by doctor of Philology, Professor V. M. Mokienko. Moscow, Izdatel'stvo RUDN Publ., 2018. 344 p. (In Russian)
 - 11 Mironova T. L. *Russkaia dusha i nerusskaia vlast'* [Russian soul and non-Russian power]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 448 p. (In Russian)
 - 12 Mokienko V. M. *Sovremennaia paremiologiya (lingvisticheskie aspekty)* [Modern paremiology (linguistic aspects)]. In: *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom “Mirs” Publ., 2010, pp. 6–21. (In Russian)
 - 13 Mokienko V. M. Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [Large dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1026 p. (In Russian)
 - 14 Baranov D. A., Baranova O. G., Zimina T. A. i dr. *Muzhiki i baby: Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illiustrirovannaia entsiklopediia* [Men and women: Male and female in Russian traditional culture. The illustrated encyclopedia]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2005. 688 p. (In Russian)
 - 15 *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 25 September 2019). (In Russian)
 - 16 Nichiporchik E. V. *K voprosu ob “avtorstve” paremiia (gendernyi aspekt)* [On the issue of the “authorship” of paremia (gender aspect) On the issue of the “authorship” of paremia (gender aspect)]. In: *Slavianskaia frazeologiya i paremiologiya v XX veke:*

- sbornik nauchnykh statei* [Slavic phraseology and paremiology in the twentieth century: collection of scientific articles], edited by E. E. Ivanova, V. M. Mokienko. Minsk, Zsitser Kolas Publ., 2010, pp. 197–202. (In Russian)
- 17 Permiakov G. L. *Osmyslovoi strukture i sootvetstvuiushchei klassifikatsii poslovichnykh izrechenii* [On the semantic structure and corresponding classification of proverbial sayings]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 237 p. (In Russian)
- 18 Savenkova L. B. *Russkie paremii kak funktsioniruiushchaia Sistema* [Russian paroemias as a functioning system: DSc Dissertation]. Rostov na Donu, 2002. 240 p. (In Russian)
- 19 Sem'ia i semeinye otnosheniia. Brak i sem'ia v traditsionnom russkom obshchestve kontsa XIX – nachala XX veka [Family and family relations. Marriage and family in traditional Russian society of the late 19th – early 20th century]. In: *Studopedia.su*. Available at: https://studopedia.su/18_31492_semya-i-semeinye-otnosheniya.html (accessed 25 September 2019). (In Russian)
- 20 *Slavianskie drevnosti: Etnologicheskii slovar'* [Slavonic antiquities: an Ethnological dictionary], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995. Vol. 1: A-G. 575 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999. Vol. 2: D — Kroshki [D — Crumbs]. 697 p. (In Russian)
- 21 Slovar' gendernykh terminov [*Dictionary of gender terms*]. In: *Owl.ru*. Available at: <http://www.owl.ru/gender/065.htm> (accessed 25 September 2019). (In Russian)
- 22 *Ukraïns'ki prisliv'ia, prikazki ta porivniannia z literaturnikh pam'iatok* [Ukrainian Proverbs, sayings and comparisons from literary monuments], compilation by M. M. Paziak. Kiïv, Naukova dumka Publ., 2001. 392 p. (In Ukrainian)
- 23 Tolstaia S. N. Kategoriia rodstva v etnolingvisticheckoi perspektive [Category of kinship in ethnolinguistic perspective]. In: *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture* [Category of kinship in language and culture], responsible editor S. N. Tolstaia. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 7–23. (In Russian)
- 24 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986. Vol. 2: E–Muzh []. 672 p. (In Russian)
- 25 Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: v 2 t.* [Russian historical and etymological dictionary: in 2 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. I. 624 p. (In Russian)